

Постсоветские государства между Россией и ЕС: возрождение геополитического соперничества? Двойственная перспектива

Теодор Лукиан Мога и Денис Алексеев *

В последние два десятилетия произошли тектонические сдвиги в международной политической среде. В Восточной Европе распад Советского Союза означал внезапное появление новых независимых государств и требовал быстрой и адекватной реакции на изменяющийся геополитический контекст. Это вызов, который стоит перед Россией и Европейским Союзом (ЕС), двумя основными игроками в регионе. Во времена экономического кризиса и политической неустойчивости обе стороны стараются достичь своих целей и защитить свои интересы в области, с которой соседствуют и та, и другая, путем расширения сотрудничества со своими соседями. Однако, каждая из сторон осуществляет свои действия разными способами, в соответствии со своими стратегическими планами. Настоятельным вопросом, проистекающим из этой ситуации, является вопрос, возможно ли назвать эту двойную борьбу за более широкое политическое влияние *новым стратегическим соперничеством*. Или это есть просто неизбежный процесс реструктурирования региональной политической среды – процесс, который еще не завершен после распада Советского Союза? Вот почему в этом эссе рассматривается практическая реализация характера и идеологическая основа подходов и политики ЕС и России к общей для этих сторон близости к бывшим советским республикам.

* * *

Растущее значение ЕС в качестве центра тяжести европейской политической среды после Холодной войны, в сочетании с распадом Советского Союза, инициировало развитие широкого спектра механизмов сотрудничества между Союзом и его восточно-европейскими соседями. Растущий геополитический вес ЕС нашел конкретное выражение в развитии стратегии его расширения и начале работы Общей Внешней Политики и Политики Безопасности (ОВПБ), а затем Общей Политики Безопасности и Обороны (ОПБО). Европейская Политика Соседства (ЕПС) и, в последнее время, Восточное Партнерство (ВП) были задуманы в случае с Восточной Европой как альтернатива стратегии расширения, хотя эта эквивалентность официально не декларировалась. Это были линии политики, направленные

---

* Теодор Лукиан Мога работает лектором в Университете им. Александра Йоана Куза в Яссах, раньше он был научным сотрудником в Румынской Академии Наук и приглашенным исследователем в Европейском центре исследований по вопросам безопасности им. Джорджа У. Маршалла в Германии. Денис Алексеев является доцентом по международным отношениям в Саратовском Университете и приглашенным преподавателем в Европейском центре исследований по вопросам безопасности им. Джорджа У. Маршалла в Германии. Выраженные мнения отражают точку зрения единственно авторов.

ные на расширение политического диалога и сотрудничества во многих областях, начиная от вопросов безопасности и кончая вопросами торговли, миграции, облегчения выдачи виз, энергетики и окружающей среде. Было начато несколько соответствующих проектов, к примеру Комплексные и Масштабные Соглашения о Свободной Торговле (как часть Соглашений об Ассоциации), ассигнования на развитие институций, общие платформы для переговоров и сотрудничества (трансграничные связи, еврорегионы, форумы гражданского общества и бизнес-форумы, двухгодичные саммиты, ежегодные встречи министров и т.д.). В этой статье излагается точка зрения, что высшими целями Союза в его политике по отношению к Восточной Европе являются прежде и превыше всего стабильность и безопасность. Однако, Брюссель понял, что лучше всего способствовать стабильности и безопасности *не напрямую*, а с помощью мер, направленных на стимулирование распространения демократии, прав человека, хорошего управления и рыночной экономики. Кроме того, чтобы добиться вышеупомянутых целей, ЕС должен и далее принимать активное участие в более широкой европейской среде безопасности (с использованием инструментов ОВПБ/ОПБО) и пытаться найти сбалансированную позицию в отношении России. Наряду с работой по разрешению острых вопросов, политики и главы стран ЕС должны работать для достижения консенсуса с Москвой, который привел бы к общим подходам, способствующим региональному сотрудничеству.

Стратегия, сфокусированная на вопросах интеграции-безопасности, была основным обоснованием подхода ЕС к Восточной Европе. Идеи, с которыми был начат процесс интеграции, имеют скорее политическое отношение к угрозам и рискам, а не полагаются на использование жесткой силы (что лучше всего отражено в модели концентрических кругов). Это так, потому что Брюссель воспринимает региональную стабильность с либеральной точки зрения на безопасность как трансформацию нормативов, основанную на основных ценностях ЕС: демократизации, верховенстве закона, человеческих правах и рыночной экономике. Это восприятие контрастирует с более традиционным реалистическим пониманием международных отношений, основанным на материальных интересах и балансе сил. Однако, в этой статье доказывается, что в восточных окрестностях ЕС существует смесь либеральных/реалистических восприятий безопасности, и она произрастает из геостратегического соперничества между ЕС и Россией в отношении новых независимых постсоветских государств (ННГ). Из-за их важного «стержневого» расположения ННГ часто считаются яблоком раздора между двумя главными региональными игроками.

Процесс расширения ЕС с включением стран Центральной и Восточной Европы высветил новые территориальные горизонты, направив внимание ЕС на пространство бывшего Советского Союза. Но поскольку расширение как способ обеспечения панъевропейской безопасности, очевидно, достигло точки усталости (почти истощения),¹ Брюссель отдает предпочтение созданию альтернативных

---

¹ Несмотря на принятие Хорватии в ЕС в июле 2013 года.

схем сотрудничества, как например, ЕПС, которая направлена на развитие новых подходов к ближнему зарубежью. Это означало создание зоны стабильности, кольца дружественных государств на границах ЕС, что в свою очередь могло бы обеспечить региональную безопасность.² В соответствии с вышеупомянутой моделью концентрических колец первое кольцо (круг) представляет собой сам ЕС, управляемый системой законов, норм и правил, известной как *acquis communautaire* (практики сообщества). Второй круг состоит из Европейской Экономической Зоны (ЕЭЗ), созданной в 1994 году между членами ЕС и тремя государствами Европейской Ассоциации Свободной Торговли (Норвегией, Исландией и Лихтенштейном) принятием внутренних рыночных *acquis* (практик). В третий круг входят государства, участвующие в процессе расширения: государства бывшего югославского пространства, Турция и Исландия. Это означает постепенное и существенное, но далеко не завершённое принятие *acquis*. Четвертым и самым большим кругом, гравитирующим вокруг ЕС, является ЕПС, охватывающий шесть бывших советских республик в Восточной Европе и десять средиземноморских государств, принимающих участие в Барселонском процессе. У этих государств есть недостатки в политическом и экономическом управлении, а *acquis* ЕС вводятся избирательно, в зависимости от желания и возможностей абсорбирования каждого государства. Некоторые страны на восточной границе Европы (Молдова, Украина и Грузия) стремятся к долгосрочной перспективе принятия в европейские структуры, но на данный момент это не поощряется; вместо этого Брюссель предоставляет им возможность экономической интеграции и комплексные Соглашения об ассоциации.³ Кроме того, в Восточной Европе дополнительные многосторонние форматы ЕПС – Восточное Партнерство (ВП) и Черноморский синергизм (ЧМС) – еще раз подтверждают интерес Брюсселя к восточным окрестностям ЕС, предоставляя форму для подталкивания участвующих государств к совершению шагов для сближения с ЕС.

Безопасность заново становится важным вопросом. Время появления этих инициатив показывает, среди прочего, что они были задуманы как ответ на новые

² Надо отметить, что с самого начала ЕПС дополняла, но отличалась от политики ЕС по расширению. Эту политику нельзя считать предварительным упражнением для принятия, так как вопросные государства не рассматриваются как потенциальные кандидаты на вступление в ЕС. *Принадлежность* к Европе и *ассоциация* с Европой есть две отдельные фазы, которые очерчивают размытую линию между членами ЕС и его соседями. «Размывание границы, однако, означает не ее устранение, а то, что взаимодействие через нее начинает отличаться увеличенной интенсивностью и сложностью. Это приводит, в двух словах, к растущей взаимозависимости между ЕС и его соседями и требует сознательных усилий с обеих сторон для эффективной организации этой взаимозависимости». Michael Smith and Mark Weber, “Political Dialogue and Security in the European Neighbourhood: The Virtues and Limits of ‘New Partnership Perspectives’,” *European Foreign Affairs Review* 13 (2008): 74.

³ Ожидается, что переговоры по Соглашениям об ассоциации (СА) будут финализированы где-то ко времени саммита ЕС-Восточное Партнерство в Вильнюсе 28-29 ноября 2013 года, что окончательно реформирует отношения этих государств с Евросоюзом.

вызовы безопасности. ЕПС появилась после большого расширения в 2004 году и вскоре после того, как Румыния и Болгария стали членами ЕС (2007), что приблизило беспокойный регион к границам ЕС. ВП (2009) появилось в результате инвазии России в Грузию в августе 2008 (прежде всего), газовых споров между Газпромом и Киевом (2006, 2009), растущего интереса к поставкам энергии и продолжения затяжных конфликтов в Приднестровии, Южной Осетии, Абхазии и Нагорном Карабахе. Дополнительно, Черноморский синергизм (2007) был задуман как механизм для избегания других геополитических разделений вокруг Черного моря и для содействия региональному сотрудничеству между прибрежными (Болгария, Грузия, Румыния, Россия, Турция и Украина) и прилегающими к ним (Армения, Азербайджан, Греция и Молдова) государствами. Возросшая забота о безопасности вне границ ЕС основывалась на той же логике, что лежала в основе стратегии расширения, которое последовало за распадом Югославии (1991-1995) и войной в Косово в 1999. Опустошительные события 1990-х дали импульс восприятию расширения одновременно, как ответ на угрозу возрождения авторитаризма и этнических конфликтов и как стратегия для укрепления безопасности в Центральной и Юго-Восточной Европе, принятием сначала стран Вишеградской четверки, а затем Болгарии и Румынии.

Краткий анализ «шахматной доски» восточного соседства ЕС не может не учитывать геополитическую сложность региона. В Восточной Европе евроатлантическое сообщество, с одной стороны, и Россия с другой, стараются утвердить свое влияние и обозначить сферы своих интересов. Эти сферы часто пересекаются, что имеет последствия на локальном и национальном уровне. Так обстоят дела с шестью государствами ВП (Молдова, Украина, Беларусь, Грузия, Армения и Азербайджан), чье географическое положение «между» ограничивает их внутривитические и внешнеполитические решения. С момента их появления в качестве независимых государств после распада СССР, этим государствам приходилось балансировать на туго натянутой скользкой политической веревке, часто применяя многостороннюю оценку для сохранения равновесия между Востоком и Западом. В какой-то мере этот мультивекторализм – подпитываемый так же преднамеренной двусмысленностью Брюсселя – ослабляет доверие в политику соседства как надежного инструмента осуществления программы ЕС.⁴ Кроме того, нынешний экономический спад часто задерживает или откладывает осуществление планов Брюсселя в отношении соседних стран.

В Восточной Европе ЕС и Россия являются наиболее важными акторами для общих соседей, применяя структурную и нормативную силу для формирования их отношения к себе и пытаясь координировать внешние вызовы, происходящие из этого региона. Москва в целом воспринимается как нормативный и политический

---

⁴ Члены ЕС часто разделены в отношении соответствующего подхода к шести постсоветским государствам. Тогда как Польша, Прибалтийские государства, Швеция, Словакия и Румыния являются наиболее рьяными сторонниками углубления отношений между Брюсселем и ВП, другие члены ЕС относятся к этому более осторожно, даже с неохотой.

соперник Брюсселя, и следовательно, как основное препятствие на пути любого сотрудничества между ЕС и странами ВП. С момента инициирования ЕПС, и в особенности ВП и ЧМС, Россия противилась любому институциональному посягательству на свое ближнее зарубежье, и таким образом, занимала антагонистическую позицию к ЕПС (сначала принимая паникерский подход к ЕП, которое рассматривалось как преднамеренное вмешательство в сферу «привилегированных интересов» Москвы,⁵ а затем принижением инициатив ЕС, направленных на его соседей и инициированием собственных конкурирующих программ). Россия стала инициатором создания Таможенного Союза (2010) и Общего Экономического Пространства (2012) между Россией, Беларусью и Казахстаном, и проект Владимира Путина Евразийского Союза расходится с целями ЕС. В целом, Россия отвергает подразумеваемое в ЕПС положение, что *европейские* ценности, нормы и практики являются единственными правилами игры.

В течение последних двух десятилетий ЕС был якорем стабильности для соседствующих с ним стран, и в значительной степени оказал влияние на процесс строительства их экономических и политических институций. Экономическое сотрудничество стало причиной дальнейшей интеграции и консолидированной взаимозависимости, и не случайно дает ощущение надежности отношений (доверия) между государствами. Эта основа не изменилась за последние годы; однако экономическое могущество ЕС ослабевает. Так как единый рынок, валютный союз и конституционный договор перенесли серьезные потрясения, это бросило тень сомнения на модели внутреннего и внешнего управления ЕС. Более того, несмотря на расширяющийся диалог, инициативы и институциональное сотрудничество, реформы на практике были ограничены, а политические и гражданские свободы являются все еще острым вопросом в западных постсоветских государствах (Молдавии, Украине и Беларуси) и на Южном Кавказе (Грузии, Армении и Азербайджане). Возрождение авторитарных или «гибридных» режимов в этих государствах (определяемых как не совсем авторитарные, но и не совсем демократические) подчеркивается во всех международных рейтингах. И это неожиданно для стран, расположенных на восточных границах ЕС, где предполагается, что имеется сильное влияние Евросоюза. Кроме того, нежелание ЕС пойти навстречу стремлению к членству некоторых стран из ВП будет препятствовать развитию дальнейших отношений.

У ЕС есть потенциал и необходимые средства, чтобы играть существенную роль в Восточной Европе. С этой точки зрения, такие выражения как «усталость от расширения», «третьи страны», «частичное присоединение», «что угодно, только не институционально» и т.д., которые часто используются в докладах о прогрессе в инициативе ВП, являются контрпродуктивными и создают ощущение двусмысленности. Принцип «больше за больше», который ЕС применяет к своим соседям, должен применяться и к программе Брюсселя. В последнее время, по-

---

⁵ Oana Lungescu, "EU Reaches out Toward Troubled East," *BBC News*, 7 May 2009; доступно на <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/8035710.stm>.

хоже, ЕС предлагает *меньше* в отношении к постсоветскому пространству, что может оказаться опасным в недалеком будущем и привести к отдалению стран из ВП от орбиты ЕС. Отсюда следует, что более действенная политическая решительность и более сильный общий голос могли бы увеличить вес и влияние ЕС и принесли бы дополнительную стоимость его внешнему управлению. ЕС мог бы осуществлять на практике и мог бы вкладывать больше ресурсов в то, что он проповедует и за что борется. И это могло бы включать необходимость существенного ремонта инструментария Брюсселя для того, чтобы эффективно взаимодействовать со странами, для которых перспектива полного членства не есть часть отношений с ними. Серьезно переоценивая свою нынешнюю роль на международной сцене, где появились новые акторы, ЕС должен не забывать, что его стратегическая сила находится в его ближнем зарубежье. Комиссар ЕС по расширению и европейской политике соседства Штефан Фюле даже подчеркнул важность Соглашений об ассоциации в качестве «квантового скачка к настоящей трансформации на этом постсоветском пространстве» и фактора «изменения игры».⁶ Это было заявлено и в Докладе по стратегии Европейской комиссии «Восточное партнерство: дорожная карта к саммиту осенью 2013 года»: «Сотрудничество между ЕС и восточно-европейскими партнерами – Республикой Армения, Республикой Азербайджан, Республикой Беларусь, Грузией, Республикой Молдова и Украиной – является *критически важной частью* внешних отношений Евросоюза».⁷ Таким образом, становится очевидно, что создание интеграционной рамки для регионального сотрудничества в большой степени зависит от успеха внешнего управления, которое ЕС желает распространять на свои окрестности.

* * *

Как и для политики ЕС, республики бывшего Советского Союза занимают очень важное место и в повестке дня внешней политики России. Длинный период истории, когда они были частью одного государства, а так же широкий спектр близких экономических, социальных, политических и культурных связей интерпретируются Россией как очень сильный аргумент для поиска общих стратегий сотрудничества и развития в двадцать первом веке.

История усилий России заново объединить постсоветское пространство – с акцентом на центральную роль России в новых политических, экономических и военных конструкциях – начинается с конца 1990-х годов. В то время российский политический истеблишмент открыто прокламировал перемену в своих внешнеполитических приоритетах, переходя от сближения с Западом к углублению отноше-

---

⁶ Štefan Füle, “Ambitions of EU and East Partners for the Vilnius Summit,” *Press Releases Rapid* (28 May 2013); доступно на http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-13-477_en.htm.

⁷ European Commission, “Eastern Partnership: A Roadmap to the Autumn 2013 Summit,” May 2012, 1; доступно на http://ec.europa.eu/world/enp/docs/2012_enp_pack/e_pship_roadmap_en.pdf.

ний и сотрудничества с бывшими советскими республиками.⁸ Заинтересованность России в укреплении ее положения в постсоветском пространстве не была спонтанной. Череда экономических и политических кризисов, которые свалились на Россию и ее соседей в начале 1990-х, привела не только к экономической слабости и политической турбулентности, но и к постоянному присутствию США и Европы в СНГ. Это присутствие приняло форму двусторонних и многосторонних экономических и энергетических проектов, политической и военной помощи, и в итоге, несколько кругов расширения НАТО и ЕС в качестве свидетельства расширяющегося влияния Запада в этом регионе. Эти шаги были восприняты Россией как свидетельство тенденции, которая могла привести к ее изоляции, подрывая ее традиционные концепции национальной безопасности. Другими словами, основной движущей силой для этого нового подхода к соседним странам можно было бы назвать разочарование в целом в сближении с Западом, которое не привело ни к ожидаемому повышению жизненного уровня, ни к плавной интеграции России в сообщество западных государств. Эти тенденции были восприняты как постепенная потеря общих интересов и влияния среди бывших советских республик, и в итоге, как идеологический сдвиг среди новой политической элиты (идея возрождения России в качестве регионального лидера, поддерживаемая быстрым экономическим ростом, ценами на нефть и благоприятными экономическими условиями).

Процесс переосмысления позиции России в отношении соседних государств и появления идеологии и стратегии нового объединения можно разделить на три этапа. Первый этап продолжается от конца 1990-х до начала 2000-х, и характеризуется переворотом российской политики в отношении Содружества Независимых Государств (СНГ) после правления Бориса Ельцина. В этом периоде наблюдалось ускорение сотрудничества с соседями России и реализация некоторых инициатив, направленных на создание формальной организационной сети в бывшем СССР (к примеру, Евразийское Экономическое Сообщество, Объединение России и Беларуси и т.д.). Эти организации, несмотря на их амбициозные цели, были обречены оставаться на бумаге или реализовать незначительный прогресс в своем развитии вследствие разных внутренних экономических и политических проблем, с которыми столкнулись Россия и ее соседи в этом периоде. В целом, первый президентский срок Владимира Путина характеризовался выработкой политических и стратегических механизмов укрепления влияния на постсоветском пространстве для поддержания более близких политических и экономических связей между Россией и бывшими советскими республиками.

Второй этап занял большую часть середины 2000-х и в очень большой степени был сформирован реакцией России на череду «Цветных революций» в Грузии, Украине и Кыргызской Республике. В результате на этом этапе имел место реше-

---

⁸ Существенное изменение приоритетов во внешней политике России в отношении стран СНГ впервые было озвучено министром иностранных дел в 1996-98 годах, Евгением Примаковым. Позднее идея было поддержана и развита Владимиром Путиным, который однажды назвал распад Советского Союза «самой большой геополитической катастрофой двадцатого века».

тельный поворот России к своим соседям и демонстрация воли играть большую политическую роль в регионе, так же как и жесткое соперничество с Соединенными Штатами и Европейским Союзом для осуществления экономического и политического влияния на бывшие советские республики. Это период, когда Россия начала оказывать давление на своих соседей, которые открыто выражали свои намерения на вступление в ЕС и НАТО, одновременно надеясь продолжить пользоваться экономическими льготами и энергетическими субсидиями из советского прошлого.⁹ Эти годы показали руководству Кремля, что такой период соперничества потребует применения жестких мер, чтобы Россия оставалась сильным игроком в регионе, и в то же время выявили необходимость в долгосрочной стратегии, которая позволила бы России продумать новую парадигму постсоветской интеграции.

Третий этап занял поздние 2000-е и отличался систематизацией политического экономического подхода России. Разработка долгосрочной стратегии, основанной на укреплении экономических, военных и политических связей с постсоветскими государствами, которые составляют ядро постсоветской интеграции (Беларусь и Казахстан), показала самую значительную со времен распада Советского Союза степень заинтересованности России в региональной интеграции. Третий этап связан с новой логикой интеграции, частично занятой из опыта ЕС (в котором все существующие политические конструкции основаны на устойчивом экономическом сотрудничестве между основными европейскими игроками). В этом периоде наблюдается развитие новой философии сотрудничества и интеграции, которая направлена на ускорение сближения с использованием более прагматических механизмов взаимного интереса, в частности в раскрытии новых рынков и возможностей для бизнеса. Во времена глобальной экономической турбулентности эти меры можно воспринимать как политику прагматического регионализма с определенными намерениями на политическую интеграцию.

Переосмысление российской политики к соседним государствам можно рассматривать через призму двух главных тенденций: политической и идеологической. Первая тенденция появилась в 1990-х, и внутренние факторы, на которых она основывается, проистекают из периода, когда упадок советской идеологии, российской экономики и общих идей суверенности и дезинтеграции привели к разрушению политических и экономических связей между бывшими интегральными частями Советского Союза в сочетании с неспособностью России остаться центром тяжести для бывших советских республик. Вторая тенденция имела ярко выраженное внешнее измерение, особенно в 1990-х, когда интенсивные действия влиятельных региональных игроков, США и ЕС, воспринимались Россией как попытка отрезать ее от областей ее традиционных стратегических интересов. Для

---

⁹ Середина 2000-х привела к серии газовых конфликтов между Россией и Украиной, к множеству российских экономических санкций против некоторых важных экспортных продуктов Грузии и Молдавии, к спорам с Азербайджаном относительно трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан и т.д.

этих опасений России были серьезные основания. Появление прозападных политических альянсов и альянсов в сфере безопасности (ГУУАМ/ГУАМ), предоставленная некоторым из соседних с Россией государств для выполнения их намерений на вступление в НАТО, и двусторонние экономические проекты (некоторые из которых подрывали российские интересы и создавали новые барьеры) вызывали подозрение к почти каждому совместному проекту Евросоюза, США и бывших советских государств. Другим внешним фактором, который порождал серьезную озабоченность у России, была эскалация соперничества между США, ЕС, Китаем и Россией в обеспечении доступа к источникам энергоресурсов и маршрутам их транспортировки в Центральной Азии и на Кавказе. Некоторые энергетические проекты и строительство трубопроводов, которые обеспечивали альтернативные энергетические поставки в Европу, нанесли серьезный урон статусу России в качестве региональной энергетической сверхсилы (что имело первостепенное значение, когда мировые рыночные цены на нефть и газ начали существенно увеличиваться). Это вынудило Россию предпринять решительные экономические и политические меры против некоторых из соседних государств и ускорить свои действия по обеспечению своего статуса основного энергетического источника для Европы.

И последнее, процесс смены режимов и череда «Цветных революций» «под дирижерством Запада» не только подпитывали недоверие России к любой инициативе ЕС и США на бывшем советском пространстве, но так же порождали серьезную озабоченность, что такая политика может быть использована в некоторый момент и против самой России.¹⁰ Это предопределило решение России изменить приоритеты своей внешней политики и разработать долгосрочную стратегию отношений со своими соседями. Один из первых концептуальных тезисов, являющихся основой новой стратегии Москвы, можно найти в «Новой евразийской стратегии», написанной Сергеем Роговым, директором Института США и Канады Российской академии наук. Его послание было квинтэссенцией идеи большой группы российских политиков и интеллектуалов, которые были заинтересованы в реверсировании тенденции ослабления России в качестве региональной силы.¹¹ Даже сейчас, более десяти лет после ее появления, идея развития специального политического, экономического и социального пространства в Евразии имеет особое хождение среди политиков и людей, определяющих внешнюю политику России.

Наряду с рациональными политическими и экономическими концепциями, среди официальных лиц государственной власти и правых интеллектуалов постепенно приобрели популярность некоторые специфические идеологические конструкции и новые геополитические подходы, которые попадают под рубрику

---

¹⁰ В широких кругах России принято считать, что «Цветные революции» были результатом машинаций Запада.

¹¹ Sergey Rogov, *New Eurasian Strategy for Russia* (Moscow: Russian Academy of Sciences, 1998).

евразийства. Эти идеи являются смесью между традиционными геополитическими и философскими идеями славянофилов и русских геополитических мыслителей девятнадцатого века, которые ассоциировали себя с популярной тогда доктриной евразийства. Однако, евразийство нового тысячелетия основано главным образом на идее конфронтации между Россией и Западом, и предполагает, что бывшие советские республики будут играть роль буфера между Россией и недружественным Западом. Наиболее выдающиеся идеи современного российского евразийства были сформулированы Александром Дугиным, одним из лидеров правого евразийства и националистического движения в России. Они включают следующее:

- Определять направления развития постсоветского пространства в нескольких ключевых областях – политической, экономической, энергетической и стратегической – является ключевой целью для российской политики и политиков
- Развивать проект «Большой Евразии» (создание буферной зоны между Россией и влиятельными западными и азиатскими игроками)
- Сделать евразийское пространство привлекательным для бывших советских республик (идея «Евразийского проекта», который включает создание Евразийского союза, впервые была озвучена приверженцами евразийства в начале 2000-х)¹²
- Гарантирование территориальной целостности и суверенитета стран СНГ в обмен на их лояльность к России.¹³

Несмотря на противоречивый характер некоторых из мыслей, выражаемых идеологами евразийства, многие из его принципов были восприняты Кремлем и получили особенно четкое выражение в методах стратегии интеграции, которую применяло российское руководство в начале и середине 2000-х.

В целом, постсоветскую интеграционную стратегию можно разделить на три основных сегмента. Первым был импульс к созданию чисто политических конструкций, например СНГ, в качестве формы региональной кооперации, которая должна была заменить рамку Советского Союза. Основным атрибутом таких политических конструкций был их «расплывчатый» характер, в которых сотрудничество во многих сферах было весьма поверхностным и множество видов деятельности и совместных проектов существовали только на бумаге, так и не став реальностью.¹⁴ Большинство совместных решений принималось на основе *ad hoc* консенсуса между конкретными членами, которые были заинтересованы в одном или другом проекте. Причина для этого была очевидной; ни одна из бывших со-

---

¹² Смотри “The Program of the Political Party ‘Eurasia,’” (Moscow, 2002); доступно на <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News&file=article&sid=76>.

¹³ Alexander Dugin, *Project “Eurasia”* (Moscow: Eksmo, 2004), 512.

¹⁴ Более 90 процентов решений, принятых структурами СНГ, не ратифицированы странами-членами.

ветских республик не приветствовала возрождение Советского Союза. И в то же время было необходимо поддерживать некоторые инструменты для сотрудничества, которые можно было бы использовать в случае, когда это необходимо и выгодно для всех стран-членов. Это верно не только для СНГ, но так же и для Союзного государства России и Белоруссии, Организации Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ) и других форм постсоветского сотрудничества.¹⁵ Поэтому, когда мы оцениваем эффективность таких организаций при внесении некоторого единства на постсоветском пространстве, трудно ожидать существенного прогресса, поскольку они не были предназначены для достижения таких целей. И это оправдывает усилия России принять дополнительную стратегию, чтобы повысить эффективность в сфере интеграции.

Вторая постсоветская стратегия интеграции вертится вокруг набора решительных мер, предпринятых российским руководством в поддержку его идеи реинтеграции во время первого и второго президентского срока Владимира Путина. Эти меры включали политическую и финансовую поддержку или подрыв действующих режимов в бывших советских республиках (в зависимости от их внешней политики и желания следовать пророссийскому курсу). Эта стратегия постепенно превратилась в концепцию «многоуровневой интеграции на нескольких скоростях», применяемой в отношении стран СНГ. Россия часто использовала свои дипломатические и, в особенности, экономические инструменты для вмешательства в сферу внутренней политики соседних государств с тем, чтобы нейтрализовать действия США и ЕС.

Результаты этих мер оставались весьма неоднозначными. По ряду причин Кремль не добивался своих целей. Наоборот, прошло десять лет с тех пор как постсоветские республики были объявлены главным приоритетом иностранной политики России, а отношения России и многих ее соседей достигли самой низкой точки со времен распада Советского Союза. Признаки этого унижительного состояния дел можно найти в череде газовых споров между Россией, Украиной и Беларусью; решительный поворот некоторых бывших советских республик на Запад и желание вступить в НАТО и ЕС; «мультивекторная» внешняя политика влиятельных членов СНГ и ОДКБ, которые преследуют свои национальные интересы, балансируя между Россией, США, ЕС и Китаем; и последнее, вооруженный конфликт между Россией и Грузией. Все эти факты можно рассматривать как признаки политического провала России в сфере реинтеграции. Приблизительно результаты интеграционной политики можно описать формулой «трех О»: Отрезвление (некоторые региональные лидеры были разочарованы перспективой быть втянутыми в воронку российской гравитации); Опасений (когда речь идет о чувствительных областях сотрудничества между Россией и ее соседями); и Обесценивания (для многих представителей постсоветской элиты перспектива реинтеграции уже не являлась ценностью).

---

¹⁵ По этой причине, к примеру, многие эксперты и политики говорят о создании СНГ как о форме «цивилизованного развода».

Эти недостаточные результаты вынудили Москву переосмыслить свое отношение к процессу постсоветской интеграции и переключиться с пустых политических конструкций и тактик на более комплексный подход, который в большей или меньшей степени основан на экономическом фундаменте и на взаимных интересах так, как их понимают члены СНГ. Этот третий этап реинтеграционной стратегии Москвы охватывает существенные меры, которые должны направить процесс интеграции в более практическое русло, например, создание общего рынка, который объединяет значительное число потенциальных потребителей (200-250 миллионов), и совместные промышленные проекты и проекты модернизации.

Основные атрибуты этой новой стратегии включают несколько этапов:

- Создание Таможенного Союза между Россией, Беларусью и Казахстаном с потенциальным принятием и других государств СНГ (был создан в июне 2010)
- Развитие Общего Экономического Пространства между членами Таможенного Союза, который предполагает координацию и унификацию правовой, таможенной и финансовой политики, свободное движение капитала, товаров и рабочей силы (инициировано в январе 2012 года)
- Создание Евразийского Экономического Союза с определенными элементами политической унификации (запланировано на 2015).

Надо упомянуть, однако, что определенные жесты экономического сближения сопровождалась шагами в сфере военного сотрудничества между членами вышеупомянутых структур. Эти шаги охватывают создание способностей для общей противовоздушной обороны, совместные шаги против наркоторговли и терроризма, общие подходы к вопросам региональной политической стабильности и т.д. Другими словами, новая реинтеграционная стратегия пытается поддерживать связь между советским наследством и новыми региональными реалиями двадцать первого века (т.е. общие интересы, угрозы и точки зрения на региональное развитие). Российская идея создания общих экономических структур идет рука об руку с ее заинтересованностью в укреплении военных связей и связей в сфере безопасности с членами новосозданных организаций. Это означает, что современная форма регионализма, основанная на общих экономических интересах, имеет существенное измерение в строительстве политического альянса, унаследованного из советского прошлого.

* * *

Однако, большой вопрос, который поднимает вышеупомянутая стратегия, это в какой степени идея Восточного Партнерства ЕС может сосуществовать с реинтеграционной стратегией России? Россия не делает секрета из своих подозрений в отношении любой формы политического сотрудничества между бывшими советскими республиками и Западом, но можно ли это рассматривать через призму нового геополитического соперничества?

ЕС и Россия являются наиболее важными игроками в пространстве их общих соседей, причем обе стороны применяют структурную и нормативную силу для формирования их окружающей среды, и обе стороны пытаются координировать внешние проблемы, происходящие из региона. Тогда как ЕС начал выполнять конкретную стратегию в отношении своих непосредственных соседей на Востоке (прежде всего через ВП), Россия так же старается быть на коне, разрабатывая набор инструментов жесткой и мягкой силы и институциональных рамок для использования своей структурной мощи на постсоветском пространстве. Оба игрока стараются формировать соседние страны по своему собственному образцу. Последним примером является попытка убедить шесть постсоветских государств из Восточного Партнерства заключить Соглашения об Ассоциации или включиться в будущий Таможенный Союз. Между этими двумя формами интеграции отсутствует совместимость, в основном из-за механизмов установления внешних тарифов и соперничества между разными стандартами и нормами. Это ставит некоторые государства как общих соседей в сложное положение выбирать между более глубокой интеграцией с ЕС или более близкими отношениями с будущим Евразийским Союзом. Независимо от этого, рассматривая процессы в ЕС и российские действия на постсоветском пространстве, мы можем утверждать, что они могут быть взаимовыгодными для участвующих стран. Это подразумевает искренний, конструктивный, а не конкурентный, подход, являющийся недвусмысленным посланием, которое как Россия, так и ЕС, должны друг другу передать, для того чтобы достичь своих целей. Такой подход должен быть одновременно реалистическим и дополняющимся в наибольшей возможной степени. Сущность этого послания – сотрудничество, основанное на взаимной выгоде – должна лежать в основе переговоров о новом базовом соглашении по Стратегическому Партнерству для модернизации и замены существующего Соглашения о Партнерстве и Сотрудничестве. Имея в виду нынешнее положение, которое отмечено новыми вызовами безопасности, новым развитием международных событий и устойчивым влиянием мирового экономического кризиса, мы придерживаемся взгляда, что как ЕС, так и Россия, должны пережить изменение стратегической парадигмы от геополитической конкуренции к консолидированному партнерству. Сильное партнерство, при котором эти два важнейших игрока могли бы искренне сотрудничать, могло бы максимизировать сильные стороны объективно подобных подходов, содействовало бы региональной стабильности и освободило бы соседние государства от необходимости вести трудные переговоры о балансируемом сотрудничестве одновременно с Западом и с Востоком.

Литература

Dugin, Alexander. *Project "Eurasia"*. Moscow: Eksmo, 2004.

Eastern Partnership: A Roadmap to the Autumn 2013 Summit. European Commission, 2012.

Füle, Štefan. *Ambitions of EU and East Partners for the Vilnius Summit In Press Releases Rapid.*, 2013.

Lungescu, Oana. *EU Reaches out Toward Troubled East*. BBC News, 2009.

Rogov, Sergey. *New Eurasian Strategy for Russia*. Moscow: Russian Academy of Sciences, 1998.

Smith, Michael, and Mark Weber. "Political Dialogue and Security in the European Neighbourhood: The Virtues and Limits of 'New Partnership Perspectives'." *European Foreign Affairs Review* 13, no. 1 (2008): 73-95.

The Program of the Political Party 'Eurasia'. Moscow, 2002.